

© 1990 г.

ЗЕМСКАЯ Е. А.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕКСТ

(К семидесятилетию М. В. Панова)

Из обширной проблематики, связанной с изучением структуры текста (см., например [1—3]), в этой статье избрана для рассмотрения специальная, но важная часть: функции словообразовательного механизма языка в построении текста; влияние текстового окружения на семантику и функционирование различных единиц системы словообразования¹. Эти два аспекта общей проблемы «словообразование и текст» определенным образом корреспондируют с теми задачами построения грамматики текста, которые формулирует Т. М. Николаева [3, с. 30—31].

Мы исходим из следующих положений.

1. Словообразование выполняет в тексте разнообразные функции. Производное слово, будучи единицей, наделенной определенным лексическим значением и являясь одновременно структурой, несущей деривационное значение, служит средством когезии, осуществляя текстовые связи между словами и по линии лексической семантики, с одной стороны, и по линии более обобщенного (деривационного) значения, с другой. При этом актуализируются различного вида связи между производными (антонимические, синонимические, градуальные). Таким образом, словообразование выполняет функции не только когезии, но и выделения, градуирования и экспрессивизации текста.

2. Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма. Производное слово в тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно конструктивный характер. При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте в процессе построения текста, особенно ярко виден деятельностный характер словообразования.

Для того чтобы показать, как именно действует механизм словообразования в тексте, для анализа были избраны материалы разных сфер современного языка — газетно-публицистические тексты, записи разговорной речи (РР), научная и научно-популярная речь, художественная проза и поэзия. Лишь одна сфера современного языка выступает как нейтральная по отношению к текстовому порождению слова — деловая речь. Для анализа избирались как узуальные слова, так и незузуальные (потенциальные и окказиональные), ибо эти последние — типическое проявление процессуального аспекта словообразования.

¹ Проблематика «словообразование и текст» под иным углом зрения рассматривалась в ряде работ [4—7]. На материале немецкого языка эту проблематику — с предметным вниманием к словосложению — изучает Шабуршвили [8]; психологический аспект этой проблематики разрабатывается в [9, 10].

1. Выявление деятельностного характера словообразования в тексте

Деятельностный характер словообразования обнаруживается в речевом акте по-разному. Можно выделить шесть видов такого обнаружения: 1) создание в процессе речевого акта производного от данного в предтексте слова или словосочетания; 2) использование в одном тексте ряда одноструктурных образований от разных основ; 3) построение производных различных структур от одной основы; 4) построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение; 5) каламбурное столкновение производных от омонимичных или близких по звучанию основ, выявление внутренней формы слов; 6) семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов.

Во всех перечисленных случаях происходит актуализация того или иного аспекта процессуального механизма словообразования: актуализация связи между базовой основой и производным в процессе порождения производного слова (1); актуализация словообразовательной структуры (2); актуализация разного рода противопоставленности членов словообразовательной парадигмы и гнезда, иными словами, выявление оппозиций, соотносящих однокоренные слова с различными, но сопоставимыми по тем или иным семантическим компонентам деривационными значениями (при этом создаются оппозиции градуальные, эквиополентные или привативные) (3); сопоставление членов одной словообразовательной категории, которое приводит к актуализации определенного деривационного значения и синонимических средств его выражения (4); шутливое, с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы (5); семантическое противопоставление однокоренных слов, сближающихся по деривационному, но расходящихся по лексическому значению (6).

Порождение слова в тексте происходит в соответствии с основными функциями словообразования — номинативной, конструктивной, экспрессивной. Реже при этом действует компрессивная функция, не отмечена стилистическая.

1. Порождение производного слова на основе предтекста. В речевом акте на базе предтекста могут порождаться разные типы производных слов (по всей вероятности, все типы производных слов, действующие в языке в данное время). Наблюдения показывают, что порождение слова из предтекста выполняет две функции: а) номинализации (свертывания пропозиции) и б) текстовой номинации.

а) Целям номинализации служат существительные — наименования действий и признаков в отвлечении от их носителей. Наиболее активны в этой функции имена существительные с суф. *-ниж(-е)* и *-ость*. При этом реализуется конструктивная функция словообразования. Средствами свертывания глагольных пропозиций служат, как правило, имена действия на *-ие*, изредка — другие. Примеры многочисленны и общеизвестны. Приведем лишь несколько.

Из газет: Но заживут и побои и даже ножевая рана, тело выздоравливает. А клевета калечит душу... Как же не судить за *калечение* души?

Из РР: Мы долго продирались сквозь кусты // Но это *продирание* ни к чему не привело //; (рассказ о драке птиц и котов) Коты *мюкали* / птицы били крыльями // Было *мюканье* жуткое / страшное *битье* крыльями //; Она тащила стол // Я как раз вошла во время этого *тащенья* //.

Нередко отглагольное имя включено во вторую реплику диалога:

— Трудились? — Ну да / если это можно назвать *трудением* // (Ср. узуальное: *труд*).

Из художественного текста (врач объясняет матери болезнь дочери): Идет воспалительный процесс. Запустевают каналыцы ... Эти запустевшие каналыцы поразили Веронику ... Ей казалось, что процессе *запустевания* движется неумолимо ... (В. Токарева. Длинный день).

Средством свертывания именных пропозиций служат отадъективные существительные на *-ость*.

Из РР: Она человек тихий // скромный // Но эти черты у нее есть / при всей ее *тихости* //; — Значит у него участок / очень тенистый // — Просто северная дорога / *тенистости* никакой там нету //; Мама очень тихо ходит // Мы и опоздали из-за ее *тихоходности* //. При этом могут создаваться неuzuальные слова (ср. выше *тихость*).

Из научного диспута: Где критерий / что такое описание будет не адоговым? Если предлагается *адоговость* возводить в принцип...

Из передачи ТВ (ответ акад. Д. С. Лихачева на записку): Вы писали о русском // Какая же все-таки главная черта *русскости*? В ответе Д. С. Лихачев употребил слово *русскость* с такой оговоркой: «если употреблять это не совсем удобопроизносимое слово».

Из газет: Не всякому охота выглядеть средним. (Он) всегда размахивал своей *«среднестью»* как флагом.

Свертыванию в отвлеченное имя подвергаются не только сказуемые, но и другие элементы предтекста. Из газет: Курсы для «*малосильной*» категории педагогов — мера сомнительная. «*Малосильность*» определяют по формальным признакам...; Отказ от лозунга декларируется, но... Это разве не *лозунговость*?; Везучий человек. И все же главная его *везучесть* не в этом.

Значительно реже средством номинализации служат отвлеченные имена иной структуры. (Из газет): ... быть писателем в восьмимиллионной Швеции трудновато. Между тем тяга с *писательству* большая...; ... Вас объявили в правой французской печати «антиамериканистом». Как вы к этому относитесь? — Но во Франции нет такого явления, как «*антиамериканизм*».

б) Создание текстовых номинаций² — другой вид порождения производного слова из предтекста. Наиболее часто порождаются и м е н а л и ц. Имя лица может быть получено в результате свертывания конструкции как с глаголом, так и с прилагательным. В таких случаях нередко образуется неuzuальное существительное, значение которого является транспозицией процессуального или непроцессуального признака в наименование человека по действию, им выполняемому, или по признаку, ему присущему: Да, Савелий, все мы живые люди. И именно поэтому не должны ошибаться. Хватит нам этих грешников, что грешат и каются. Сколько проблем навязали стране своими ошибками...! И все от того, что безнаказанны эти *ошибальщики*! (И. Штемлер. Поезд). Ср. каламбурную текстовую номинацию в стихотворении М. Раскатова «Поправка»:

Ему бы только доложить.
Потом — спокойно долго жить
Подобный должожитель
Зовется «*долложитель*».

Базой номинации может быть не только глагол, но отвлеченное или конкретное существительное — имя предмета, диктующего признак. по

² Ср. понятие коммуникативная номинация в [9, с. 12].

которому создается наименование: Будет идти снег, будут сходиться лавины. Будет работа и у лавинщиков (из газет). Оценочные и безоценочные имена лиц разного рода (часть неузуальные) особенно легко создаются в РР: Ну Нипка! Ты конфетница!; Наши соседи / как придет / к телефону бросаются / Телефонники!; Из разговоров о детях и с детьми: Он все соску сосет? Все еще сосончик?; Он у нас на горшке сидит // Он теперь горшочник (поясняется) Бывает горшечник / это профессия // А у нас горшочник . Ср. отглагольные производные: Не надоело тебе подзуживать: Вот подзуживатель выискался!; Хватит меня дразнить! Дразнилка жуткий!; Кто здесь канючит? Канюка! Канюка! Не пищи! Мерзкая пищак!

В некоторых функциональных сферах языка (публицистика, художественная речь, РР) порождаются имена лиц, напоминающие по форме фамилию на -ин, но в качестве базовой основы использующие глагол, который обозначает действие, характерное для данного лица: Из газет: Пятнадцатый год коллективу завода обещают возвести Дом культуры со спортивными сооружениями. С «общалкиных» пора спросить по всей строгости. Из разговора с детьми: Ну что ты все попрошайничаешь? Попрошайкин ты!; Вот ты кто! Хватит повторять // Вот настоящий повторялкин.

Порождение слова в речевом акте происходит не только как свертывание глагольной конструкции. Наблюдается и обратное явление — порождение глагола с целью динамического изображения ситуации. Этот тип порождения производного слова более редкий и осуществляется чаще как шутка, острота, результат которой — неузуальное слово. Глагол может иметь разные ономастические структуры. Он может быть порожден на базе произносимых слов (ура — уракать), путем включения в основу глагола имени производителя действия (лица или предмета), признака лица, объекта или обстоятельства действия и т. п.: А эта Лялька-простофиля начнет лялкать, да вконец и залялкает мужика (из газет); (Разговор за обедом) (А. к Т.) Ты в тарелку рукавом влезла // М. (вступая) — Это ведь кимоно // Т. Не ушла рукава / так вот и кимоно //; Направление называлось — котизм, страшное было зрелище. ... Пусть она когтит свои картины (Т. Толстая, Поэт и муза); — Ура-а... (Валюша): Чему вы уракаете, ребята? (Злотников. Терех); из РР: Все они «ну... / да ну...» Тюнькает-нюнькает что-то //; А. Га-г а... Б. Хватит! Погаг-гавал //; — Распихать бы его по кучкам // — Не кучируется он //; Трус он! А уж сколько сегодня трусливичил //; Ну и настырный ты! Перестань настырничать!

Реже на основе предтекста создаются неузуальные и р е ч и я. Вот иллюстрация из газет: [в письмах требуют] немедленно навести порядок на железнодорожном транспорте. ... Взять в руки лопату, лом ... и броситься самостоятельно крушить завалы на магистралах? Не думаю, что на это рассчитывают читатели. Как тут ни крути, а сапоги сподручней все же тачать сапожнику. Тогда отчего «сапожно» действуют железнодорожники?

Как показывают наблюдения, словообразовательным стимулом порождения слова в тексте может быть не только слово, отстоящее от создаваемого на один деривационный шаг, но и слова более далекие; непосредственного словообразовательного «соседа» нет в тексте, например: трус — (трусливый) — трусливичить [11].

2. Актуализация словообразовательной структуры слова. В результате употребления в одном тексте ряда разнокорневых слов, относящихся к одному словообразовательному типу, происходит актуализация деривационной структуры слова и соответствующего деривационного значе-

ния. Этот вид действия механизма словообразования является наиболее частотным. Он распространен в различных сферах языка и охватывает производные разных словообразовательных типов (используется как прием когезии и усиления, преимущественно в целях художественной выразительности, ср. [6, с. 46—47]). Повтор на смысловом уровне, сопровождаемый повтором тождественных по форме частей слова (чаще всего деривационных морфем), создает особый вид звукописи, вносящей «поэтическую составляющую» в структуру не только поэтического, но и прозаического текста (ср. [12, с. 837—839]). Вот пример использования этого приема, поддержанного ритмико-синтаксическим повтором, имитирующим народную словесность: Семь пар железных сапог *истоптала* Нина по паспортным столам и отделениям милиции, семь железных посохов *изломала* о Лизоветину спину, семь kilo железных пряников *изгрызла* в ненавистой дворницкой — надо было играть свадьбу (Т. Толстая. Поэт и муза).

Наиболее активно реализуют рассматриваемый прием префиксальные глаголы, а среди существительных — имена качества на *-ость* и имена действия на *-ие*. Приведем примеры использования глаголов с одной и той же приставкой. Ряд глаголов, имеющих одну и ту же приставку, включает обычно 2—5 членов: *недо-* со значением недоведения действия до конца: Яновская, вслед за И. Грековой, показала героинь разными — и добрыми, и злыми. ...» Все эти женщины, — написала о них автор, — *недожили* свое, *недолюбили*, *недоревновали* (из газет); *вы-* со значением тщательности совершения действия: Открытие не свалилось к ним на голову в виде ньютонова яблока и не явилось прекрасным видением из циклотрона. Они *выстругали*, *выпилили*, *выточили*, сработали свой 104-й элемент, и в этом смысле термин «открытие» подходит не очень точно (из газет); *за-* со значением «закрывать посредством действия»: Остроумно и образно решено художником оформление кабинета Крутицкого: все здесь раз и навсегда *заштормено*, *задрапировано*, *зафуфлячено*; Нет, здесь нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало могилу. Все *заросло*, *затопталось*, *заплыло*, сравнялось с землей (О. Кожухова. Ранний снег);

Использование таких рядов изоструктурных производных глаголов, подчеркнуто выражающих определенное категориальное значение, — прием, характерный не только для современного языка, но и для прошлых периодов истории русского языка как средство художественной выразительности. Вот иллюстрация из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: Занятое либо *проиграно*, *прожжено*, *прожито*, *проедено*, *пропито*, *про...* или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под зыскание. Приведем пример из частной переписки начала XX в., чтобы показать, что и в этой сфере языка этот прием действует давно. (Сестра М. А. Булгакова Вера в письме от 20 апр. 1913 г. так описывает ситуацию перед женой брата, которому долго не давали согласия на брак): Я рада в конце концов за них, а то они совершенно *издергались*, *избеспокоились*, *изволновались* и *извелись*.

Итак, приставка выступает как скрепа-выразитель единого значения, усиливающего единство текстового ряда и подчеркивающего звуковую организацию стиха. Последний член ряда часто включает одну приставку — без глагола или приставку с ее произвольным распространением. В РР в таких случаях часто употребляются слова типа *что хотите, что хочешь, не знаю что*: *Переписи* / *переделай* / *пере- что хочешь* / *но измени* //; *Я измоталась* / *извелась* / *издергалась* / *из- не знаю что* //. Ср. сти-

хотворение В. Ходасевича:

*Перешагни, перескочи,
Перелепи, пере — что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи ...
Сам потерял — теперь ищи.*

Такую же функцию может иметь и повтор приставки. В повести Д. Грина «Зубр»: Биологию, ту тоже обещали *перестроить, перевернуть, пере-, пере-...*

Прием нагнетания изоструктурных производных, особенно характерный для префиксальных глаголов, реализуется и в других группах производных. Подчеркнутое выражение категориального значения передают слова разных частей речи — с одинаковыми приставками или иной первой частью.

Вот несколько примеров: Дело в сути — потеснить мастеров *мнимодола, мнимохозяйства, мнимолитературы*, поставить на их место реальных, деятельных героев (из газет); Старики страдают от *недолюбленности*, от *недовнимания*, от *недоласки* (из газет); Адресат должен принять приглашение к сопереживанию. Ожидается, что он так или иначе выразит свое *со-чувствие* (*со-радость, со-восхищение, со-возмущение* и т. п.) (ВН, 1986, № 1, с. 63).

Особенно характерно нагнетание в рифмах однокоренных производных (чаще всего существительных с суф. *-ость*) для современной поэзии. Этот прием присущ и таким мастерам, как М. Цветаева, Б. Пастернак:

А еще, несмотря на *бритость*,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — *побитость*,
За какой-то лх взгляд собачий,
Сомневающийся ..

(М. Цветаева. Хвала богатым)

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: «Еще мы тут!»
Какая насмерть *осужденность*
В той жалобе последних труб!
Как в выпу бархатную *сытость*
Вгрызается их жалкий вой!
Какая *заживо-заритость*
И *выведенность* на убой!

(М. Цветаева. Заводские)

Мне хочется домой в *огромность*
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.
Перегородок *тонкоробкость*
Пройду насквозь, пройду, как свет,
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет счете предмет.

(Б. Пастернак. Мне хочется домой.)

Очень ярко действенный характер словообразования обнаруживается тогда, когда в ряд одноструктурных производных попадает окказионализм — слово, порожденное в данном контексте инерцией словообразовательной модели. Такого рода явление свойственно разным сферам языка — художественной, газетно-публицистической, научной, разговорной. Ср.:

Этот город прозрачен,
как сон.
Словно полдень осенний,
прозрачен,

По, над полднем предел
 обозначив,
 Лист закружится невесом.
Листинаяс. листотод.
 листопад —
 Светлым праздник
 осеннего сада.
 К тополям за чугуниной
 оградой
 Возвращает прохожих тропы
Листопад. листодел,
 листоград . .
 (С. Стасов. Полдень. 1 октября)

Из стихотворения Е. Евтушенко «Милые люди»:

Где иголки у этих людей,
 где улы? —
 Как они тошнотворно милы
 и круглы!
 Анекдотом кончается
 их прогрессизм,
 да какой прогрессизм —
 угостизм. пригласизм!

Из путевого очерка В. Пескова: Без Миши путешествие не могло состояться. В шуточных разговорах я звал его: «*Кормилец, поилец, водилец, переводилец*». Водить машину и переводить было для Миши добавочной нагрузкой в этой нелегкой поездке. Узуальные *водитель* и *переводчик* по аналогии с *поилец* и *кормилец* превратились в *водитель* и *переводилец*. Из фельетона З. Паперного: У иного такого пишущего даже не *скоронись* — а *борзонись, реэвонись, лихонись*. Из научной статьи: ... наиболее желательна для говорящего реакция, отвечающая условию согласия (единомыслия и «единочувствия»).

Показательны случаи, когда смысл новообразования в тексте поясняется синонимическим рядом слов той же структуры. Глагол *записать* в современном бюрократическом употреблении приобрел значение, которое так поясняется в тексте: Тени наветов ходят за нами по пятам. Тени имеют магическую власть над людьми и их судьбами. Пятно на репутации можно с годами смыть честным трудом — тень смыть нельзя... «*Запишу!*» — так грозят кубанские «борцы за справедливость» неподкупным противникам своим. *Запишу?* Это как понимать? И мне предложили набор синонимов — *закляю, заплую, затопчу, заболбаю* (из газет).

Рассматриваемый прием наглядно демонстрирует действительность механизма словообразования — соотношение производных определенного словообразовательного типа способствует тому, что одно производное слово как бы тянет за собой другие аналогичной структуры. С точки зрения эстетической этот прием, однако, не всегда достаточно художественно выразителен и может иметь характер штампа.

3. Функционирование в одном контексте однокоренных слов, имеющих разные деривационные значения. Действительный характер словообразования находят реализацию в приеме, который в известной мере можно считать со словообразовательной точки зрения противоположным предыдущему. Речь идет об использовании в одном контексте ряда слов, произведенных от одной и той же базы, но относящихся к разным словообразовательным типам. Таким образом обычно сталкиваются слова, составляющие одну и ту же словообразовательную парадигму, т. е. имеющие и

общие, и различные компоненты значения (например, глаголы, обозначающие пространственные или временные модификации действия, существительные — формы субъективной оценки). При этом происходит актуализация деривационных значений, противопоставленных по какому-либо семантическому компоненту (направление действия внутрь — наружу, полнота — неполнота действия, уменьшительность — увеличительность, ласкательность — пренебрежительность): ... лучше поторопиться и *перешерстить*, чем *недошерстить* (К. Симонов. Солдатами не рождаются). Давление творческой атмосферы регулируется разными факторами. Немаловажный из этих факторов — административный. Тут всегда можно *перекачать*, или даже *недокачать* (из газет);

Над *речишкой* —
мостикшко,
Над *речонкой* —
мостичонко,
Над рекою — мост
В полный рост!

(Л. Куклин. Мостовики).

Столкновение однокоренных слов, выражающих разные и противопоставленные деривационные значения, может приводить к высвобождению словообразовательных аффиксов из состава слова. Вот характерная иллюстрация: Стоял Петька. Хлопал глазами. Ведь он *Уехал*, а оказалось, что *ПРИехал*. Как так? Почему *При*, а не *У*? (Л. Давыдычев. Лелишна из третьего подъезда).

Сопоставление в тексте разноструктурных однокоренных слов способствует оживлению их внутренней формы. Слово *продленка* родилось из сочетания *продленный день* (в школе), но его внутренняя форма потускнела, так как часто *продленка* бывает недостаточной длинной, укорачивается. И вот рождается газетный заголовок: *Как продлить продленку?*; ср. также: Судя по справкам, автор и *доходчив*, и *находчив* ... (З. Паперный).

4. Построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение. Известно, что словообразование характеризуется отсутствием однозначных отношений между означаемыми и означающим. Одно и то же деривационное значение имеет различные средства выражения (имя действия: *-ние*, *-ка*, *-ба*, *0* и т. п., имя признака: *-ость*, *-изна-*, *-ева*. *0* и т. п.). В тех случаях, когда говорящим надо выразить какое-то значение, не имеющее узуального средства выражения, речевой акт может строиться по принципу нанизывания неузуальных контекстных наименований, порождаемых разными говорящими. Приведем лишь один пример, ибо этот тип актуализации словообразовательных связей будет рассмотрен ниже. Идет разговор между четырьмя близкими знакомыми, которые обсуждают черту современного человека — постоянно носить что-то с собой — в рюкзаке, портфеле, сумке, авоське и т. п. Деривационного значения, выражающего смысл «лицо, которое носит с собой постоянно вещь в том, что обозначено базовой основой», нет. Собеседники наперебой, легко и свободно, порождают неузуальные слова с суф. *-ник*, *-щик*, *-ист*, входящие в словообразовательный тип «наименование лица по типическому предмету»: А. Сейчас много *рюкзачников* развелось // Б. Да: мода такая // Н. А есть *портфельисты* // В. Вот Андрей *портфельщик* / А. И Сергей тоже // Б. Нет / Сергей не *портфельщик* // Он высокий // А этого [т. е. Андрея] из-за портфеля не видно // А. А есть *авосечники* // (к мужу) Вот твой друг // Он все в авоське таскает //

Б. Каламбурное столкновение слов, порождающее псевдочленение слова. В словообразовательном отношении особый интерес представляет такое построение текста, при котором сталкиваются не только слова однокоренные или изоструктурные (содержащие одну деривационную морфему), но и слова, лишь по форме близкие, — омонимы, паронимы, слова с омонимичными неморфемными сегментами. Так, наизывание слов, включающих одну и ту же морфему или омонимичный ей сегмент, приводит к созданию псевдочленения слова, что рождает новые каламбурные текстовые связи.

Это явление ярко демонстрирует В. Рич в стихотворении, которое он так и называет «Филологические стихи»:

Говорит, *экспрезидент*
 Это бывший президент.
 Говорят, *эксчемпион*,
 Это бывший чемпион.
 И выходит, что *экспресс*
 Означает — бывший пресс.
 И выходит, что *экстракт*
 Означает — бывший тракт.
 И выходит, что *эксперт*
 Это некий бывший перт.
 И выходит, что *экстаз*
 Это просто старый таз.
 Да-с!

Аналогичный словообразовательный механизм обнаруживает столкновение производных от омонимичных и паронимичных основ. Ср. строку из стихотворения Вл. Шленского «О завтрашней радости»: *В Судаче / судача / судачат меж собой...*

Прием каламбурного столкновения омонимичных структур широко распространен в РР. Это — особый вид языковой игры [13], т. е. реализация поэтической (по Р. Якобсону) функции языка. Вот пример (при встрече, одна знакомая, игриво обращаясь к другой): Какая вы *совершенно летняя!* (имеется в виду «лето, летнее платье»); столкновение с *совершеннолетней*).

Особо следует выделить прием подчеркнутого расчленения слова, в котором граница морфем уже стерта; оживлению морфемного шва способствуют присутствующие в тексте окказионализмы аналогичного строения. Из письма А. А. Реформатского: Хотел бы я знать, в каком ты *состоянии*, или, что хуже — *сосидении*, *солежании*. Возникает шутивное раскрытие внутренней формы слова. Обыгрывание внутренней формы слова³ — частный случай использования словообразования с целью шутки, каламбура, остроты. Для этого нередко применяется шутивное раскрытие аббревиатур. Вот типический пример — сталкивается официальное и иронически-бытовое раскрытие аббревиатуры ЖКО: Рустам усмехнулся, припоминая, как на стройке расшифровывали АЖО: Ждите, Кривососов Обещал (Дружба народов, 1986).

6. Семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов. Известно, что однокоренные слова, реализующие одно и то же или близкие словообразовательные значения, могут быть резко противопоставлены по лексической семантике. Ср. наименования лиц по действию: *певец* (профессиональное имя) и *певун* (тот, кто любит петь); *чтец* (артист, занятый художественным чтением), *читатель* и пренебрежительное *читака*; *писатель*, *писец* и *писака*. Такие слова, являясь именами произво-

³ О связях внутренней формы слова с явлениями словообразования см. [14].

дителя действия, имеют разные фразеологические нарашения. Столкновение подобных слов, наделенных фразеологичностью семантики и/или подвергшихся лексикализации, служит остроуму выявлению их семантических различий и способствует экспрессивизации текста. Так, резко противопоставлены имена лиц *ценитель* («тот, кто умеет ценить нечто прекрасное») и *оценщик* («человек, чья профессия — назначать цену»; в данном противопоставлении последнее получает пейоративный оттенок): Это фельетон не о *ценителях* искусства, а об *оценщиках* (Л. Лиходеев. Клешня). Ср. противопоставление нейтрального *рассказы* и *рассказни* (пренебр.) «выдумка, рассказ, не внушающий доверия»: Я расстроился: одна неточная, другая — и *рассказы* Зубра могли превратиться в *рассказни*. (Д. Гранин. Зубр). Еще несколько примеров: ... с искусственным выпячиванием *настроений*, выродившимися в «*настроенчество*» (В. Виленкин. О В. И. Немировиче-Данченко); (из газет): Он делил их на «*попрошайек*» и «*попросителей*».

II. Характер использования текстовых номинаций

Какие намерения движут говорящим при создании номинаций в тексте: Как используются текстовые номинации?

1. **Крещение новым именем.** Говорящий создает номинацию, часто не-узуальную, чтобы окрестить предмет или лицо, не имеющее имени и тем самым подвести его под какой-то разряд. Часто при этом присутствует элемент шутки. Факты этого рода рассматривались выше, когда говорилось о создании текстовых номинаций. (Разговор двух женщин, гуляющих весной по берегу реки):

А. Соловьев-то сколько! Поразительно! Б. Да-а / А. Соловейник // (Ср. *обезьяник*, *гравовник*, *птичник* — место, где живут животные); — Ой! Маргаритки какие! — У нас под окнами целый *маргаритник* // (ср. *цветник*); Сюда уж британцы не доберутся, чтобы его переименовать, — тут уж своих собственных *переименовщиков* больше опасаться надо (В. Коенский. Третий лишний).

В подобных случаях может происходить намеренное каламбурное столкновение созданного в тексте имени с узуальным существительным. Ср.: *пилить* (дрова) — *пильщик* (уззуальное) и *пилить* («играть на скрипке») — *пильщик* (индивид.). Из рассказа братьев Стругацких: По первой программе кто-то пилил на скрипке. Полюбовавшись некоторое время измученным лицом *пильщика*, я переключился.

Особо следует выделить случаи поиска нового имени. Когда в языке нет устоявшегося, узуального названия, нередко оно рождается не сразу, но в борьбе нескольких конкурирующих наименований. Особенно часто возникает потребность в названиях лиц. (Разговор двух знакомых): Я нашел ваши ключи! — О! Вы лучший в мире *находчик*! *Находитель*? *Находец*? Как сказать лучше?; (Говорящий ищет женское соответствие к слову *варвар*): Какая *варварка*! Или не *варварка*? А кто же? *Варварина*? *Варваруша*? Часто поиск происходит в диалоге, каждый собеседник предлагает свое имя: Л. А вы чем занимаетесь? Б. Я математик / но я на машине работаю // Л. А-а / так вы *звездищик*? Или *машинник*? Б. Ну-да / ну да // В. Нет / лучше сказать *компьютерщик* //; В НИИ вместо секторов ввели отделы. Сразу же возник вопрос: как называть сотрудников отдела? А. От сектор — *секторяне* / а от отдела? (КБ). Это вы должны решить // Б. Да-а / трудно // *Отдельщик* нехорошо // Не знаю как (В разговор вступает В.) *Отделец* // *Артельщик* / но *отделец*.

В таких случаях уточняется словообразовательная структура слова: внутренняя форма и мотивация при этом не меняются. Ср. конкуренцию в других классах производных: С реки отправляемся толстые, как бочки ... и чем ближе к дому, тем тоньше становимся. Как это сказать: *тончаем*, *тонеем*, *утончаемся* (А. Яшин. Угощаем рыбой).

2. **Пояснение номинации.** Известно, что производное слово не просто называет, но несет в себе мотивировку названия. В речи часто возникает необходимость обосновать имя лица или предмета, тем самым подчеркивается его смысл, уточняется внутренняя форма. Примеры из области домашних номинаций: (Женщина объясняет свое прозвище) Меня дома зовут *тенистик* / потому что я всегда в тень убегаю / по тенистой стороне иду /; (О маленьком ребенке рассказывают родители): Он у нас теперь *колясочник* в собственной коляске выезжает // Ждем, когда будет *саночник* /. А вот как объясняется создание номинации для предмета, имя которого неизвестно говорящим (речь идет о наименовании приспособления для растирания мази от радикулита): — Вы рукой растирали? — Нет / Там есть такая штучка, пластмассовая / Эта женщина называла ее *терка* / Я бы никогда не сказала так / Я бы ее назвала *растиралка* // Ведь она растирает а терка трет .

Поясняются и новые наименования социальных явлений: Подивились ревизоры распространенности в здешних краях, даже обыденности явления, названного одним обществоведом «несунизмом». Да, несли с предприятый тут основательно (из газет).

Интересны случаи, когда дается истолкование узусальных наименований, причем таких, которые широко употребительны в обществе. В этом отношении показательна статья, озаглавленная «Управленец» или «аппаратчик»? (Правда. 1987. 12 марта), в которой резко противопоставлены эти два имени. *Управленец* занят управлением, это имя действующего лица; *аппаратчик* — член аппарата; он пассивен. Автор пишет: Для подготовки эффективной нормативно-правовой базы нужно много времени. Где же выход? В привлечении самих производителей к решению проблем управления, превращении *аппаратчиков* — в *управленцев* ... Сегодня, когда идет перестройка, надо сказать *аппаратчику*: «Либо ты перестраиваешься в *управленца*, либо переходи в исполнители. И сам почувствуй на себе плоды работы *аппаратчика*».

3. **Корректировка узусальной номинации.** Особая разновидность приема нагнетания соотносительных по структуре производных — построение по конкретному образцу неузусального слова, корректирующего значение соотносительного слова-образца. Известно, что слово обобщает. Слово вообще и производное в том числе не может в своей структуре отражать все компоненты того, что бывает необходимо обозначить человеку. Отсюда два следствия. Слово расширяет свое значение, его внутренняя форма забывается. Мы стреляем из ружей, пушек, пулеметов (не стрел!), пишем красными, синими и других цветов чернилами, носим цветное белье, и это не мешает пользоваться языком, не затрудняет наше общение. Примеров можно привести множество.

Однако так бывает не всегда. Нередки случаи, когда говорящего не удовлетворяет неточность слова, она мешает ему выразить свою мысль, искажая его речевое намерение. В таких случаях, отталкиваясь от узусального слова, он рождает слово, непринятое узусом, но более точно передающее его намерение. Ср. такой диалог (пожилой человек разговаривает со своей соседкой): Я Катю *усыновить* хочу (поправляясь) / *удочерить* / (задумчиво) Точнее *увнучить* / Она ведь мне во внуки годится //. В этом

речевом акте говорящий идет от наиболее распространенного слова (*успокоить*) к менее распространенному, но узальному (*уточнить*) и, сам замечая его неточность, порождает окказионализм — *улучшить* «взять во внучки».

Еще примеры. Диалог двух знакомых: А. Она мне *собрат* / Б. (шутливо) А не *сосестр*?; На все эти *запреты* есть *отпреты* //.

В языке имеется слово *устойчивый*. Но так говорят о стоячих предметах и лицах. А как сказать о лежачих? Ср. диалог при перестановке разобранного стола: А. Эта столешница должна быть *устойчивой* / Б. *Устойчивыми* могут быть только ножки // А. Ну тогда *улежчивой* // Б. Вот-вот // Я не мог придумать / как это сказать //; (из частного письма): Вот если бы мне платили не *построчно*, а *поночно*. Уж очень много ночей я на этот перевод потратил! Из рассказа И. Грековой «Два мальчика»: В одном большом городе, в большом доме на большом проспекте жили два мальчика: Сережа и Андрюша. Но они не любили эти детские *уменьшительные* имена, им больше нравилось, чтобы их звали по-взрослому: Сергей и Андрей. А друг друга они называли *убольшительными* именами: Серега, Андрюха. Несколько примеров из газет: Помню пешего *несуна*, в силу все больше входит теперь *несун* машинизированный — *везун* (еще один термин, рожденный временем); И, конечно, никто лучше, чем он, не расскажет нам о своих *единомышленниках* и *единопутешественниках*. Из фельетона З. Паперного: А вот редактор, которого хлебом не корми, а дай поковырять, покромсать художественный текст. Этакий коновал, воображающий себя нейрохирургом. *Костоправ*, ставший *литправщиком*; Васютка ... был ребенком повышенной моторности. Он был если не *перпетуум-мобиле*, так уж во всяком случае *перпетуум-прыгале*.

Итак, корректирующая номинация обычно имеет в тексте слово-образец, на которое непосредственно опирается. Но это не обязательное условие ее появления. Образец может стоять и за текстом. Ср. узальное «*собственноглазно*», опирающееся на узальное *собственнооручно*: Пленает подлинность характеристик памятников и пейзажей, пройденных самим автором, увиденных им «*собственноглазно*» ... (из газет).

4. Градуирующая номинация. Называя что-либо, говорящий нередко употребляет слова одинаковой словообразовательной структуры, подчеркнуто передающие одно и то же категориально-квалифицирующее значение. При этом создается комплексное градуированное обозначение. Типический вид такой номинации — сопоставление в одном тексте производных, реализующих разные виды словообразовательных оппозиций (чаще всего — градуальные, типа *уменьшительность* — *увеличительность*): ... ненужные «*шумихи, шумы, шумищи*» нередко... отвлекают читателя от произведений, созданных в результате вдумчивого, серьезного труда (из газет); Местность Сигараки славится своей керамикой. Керамические *заводы, заводики, заводилки* размером с одну-единственную печку (из газет); На что же направила эта фигура свою незаурядность? На организацию темных *делишек, дел* и, я бы даже сказал, *делищ*! (Юность, 1981). Этот прием имеет давнюю традицию употребления. Вот отрывок из «Воспоминаний» Ф. П. Лубянского (М., 1872): Граф Захар Григорьевич [Чернышев], впрочем, был действительно скор и горяч. В семилетнюю войну чуть не оторвал пальца у главнокомандующего Бутурлина. Советовался, где и как дать сражение, ходили по карте, главнокомандующий искал Одер и спрашивал, где же эта речка? Схватил Чернышев фельдмаршала за палец; этот кричит «больно!», а он бежит его пальцем по Одру и твердит ему: «Не *речка*, ваше сиятельство, а *река, речище, Одериче*».

5. Интенсифицирующая номинация. Интенсификацию особенно часто передает цепь разнокоренных глаголов с одной приставкой; семантический компонент, выражаемый приставкой, резко выделяется при этом. Этот прием свойствен разным сферам языка. Из газет: *Машина заработала, загорелись лампы, засветились контуры, заурчал, словно водопад, ток, заиграли провода*. Из художественных текстов: И потому так дико лютствовали волки в те дни, беспорядочно били скот в окрестностях — не настолько, чтобы утолить голод, сколько из неумолимой, неутолимой потребности *заглушить, заесть, завалить* мясом и кровью сосущее чувство пустоты и злости на мир (Ч. Айтматов. Плаха); ... он не будет, как опасался, лежать в сырой земле, а будет стоять среди людей в чистом теплом зале, *прошнурованный и пронужерованный* ... (Т. Толстая. Поэт и муза): Колонисты взвыли от такой пронизывающей и лихой езды. Восторженно *заорали, засвистели, заголосоли* в тридцать мужских глоток ... (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

Этот прием виртуозно использовала М. Цветаева (выразительность, в частности, усиливается благодаря тому, что каждый глагол имеет свой особый, не общепринятый, распространитель):

... Так *вслушиваются* (в восток
Вслушивается — устье).
Так *внюживаются* в цветок:
Вглубь — до потери чувства!
Так в воздухе, который синь,—
жажда, которой дня нет
Так дети в синеве простынь —
Всматриваются в память.
Так *вчувствоовывается* в кровь
Отрок — доселе лотос.
... Так *влюбливаются* в любовь:
Втягиваются в пропасть.

(М. Цветаева. Так вслушиваются ...).

Подведем некоторые итоги.

1. Словообразование является средством когезии и экспрессивизации текста, актуализации отдельных его фрагментов, «усиления фактора мотивированности знака на уровне горизонтальных отношений» [15].

2. Все порождаемые в тексте словообразовательные единицы строятся по законам аналогии. Они или реализуют какие-либо активные модели языка, или реализуют в новом материале имеющиеся в языке «конкретные образцы» (ср. иное мнение в [16]).

3. В тексте может происходить актуализация всех связей и отношений, имеющих в системе словообразования: слов одного словообразовательного типа, одной словообразовательной категории, одного гнезда. одной словообразовательной парадигмы, базового и производного. По нашим наблюдениям, лишь связи между словами одной цепочки не подвергаются текстовой актуализации.

4. Актуализация названных выше видов связей и отношений — яркое свидетельство того, что названные единицы словообразовательной системы — это не только лингвистические конструкторы, но и языковая реальность, находящая отражение в языковой компетенции носителей языка.

5. В речи существуют определенные повторяющиеся приемы использования словообразовательных структур для построения текстовых номинаций и свертывания пропозиции.

6. Текстовое словообразование служит обостренному выявлению разного рода связей и отношений между производными: алтонимических,

синонимических, градуальных, связей паронимической аттракции и каламбурного противопоставления.

7. Общее свойство текстовых образований — усиление членимости слова, в том числе создание псевдочленимости, реализуемой лишь в данном тексте и приводящей нередко к рождению каламбура. Виды текстовой номинации разнообразны и используются как для наименования предмета, действия или признака, так и в целях порождения шуток, острот.

8. Базой текстового словообразования является, как правило, слово, но могут использоваться и единицы, большие чем слово (словосочетание, предложение). В тексте самостоятельную роль могут играть и единицы дословесного уровня (морфемы).

9. Повторы морфем и псевдоморфем создают разные виды звукописи, что характерно не только для поэтического, но и для прозаического текста.

10. Активность текстового словообразования свойственна разным сферам современного русского языка. В наибольшей мере присуща она художественной речи, языку газет и разговорному языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.
2. Dressler W. U., Schmidt S. J. Textlinguistik: Kommentierte Bibliographie. München, 1973.
3. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
6. Блинова О. И. Явления мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.
7. Виноградова В. И. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
8. Шабурнишвили К. Теория текста и синтаксический механизм словообразования. Тбилиси, 1983.
9. Сазарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности. (Образование и функционирование производного слова в русском языке). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980.
10. Сазарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.
11. Улужанов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
12. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси, 1984.
13. Русская разговорная речь. М., 1983.
14. Ермакова О. И., Земская Е. А. Сооставительное изучение словообразования и внутренней формы слова // ИАН СЛЯ. 1985. № 6.
15. Gamkrelidze Th. V. The problem of l'arbitraire du signe // Language. 1974. V. 50. № 1.
16. Motsch W. On inactivity, productivity and analogy in derivational processes. В., 1987.